

Эта история — вымысел. Все совпадения случайны. Суждения героев не отражают мнения автора. Поступки и решения героев не являются рекомендацией.

Пролог

...*М*едленно опускаюсь на колени, сглатываю комок ужаса. Он прилипает к горлу, как холодное масло, и я кашляю, неловко изогнувшись в сторону. Мужчина усмехается, скрещивает ноги, и я смотрю на его ботинок. Блестящий, с крохотными дырочками, явно дорогой. Хочется подползти и понюхать, настоящая ли это кожа. Уверена, что настоящая, но все равно чуть подаюсь вперед и повожу носом. Гипнотизирую ботинок, не позволяю себе думать ни о чем другом, иначе закричу в голос.

— Неужели тебе не объяснили, что соблазнять надо меня, а не мои ботинки? — грубо смеется мужчина. В его смехе презрение и непонятная злоба.

Отползаю назад, искоса смотрю на дверь. Только бы сюда никто не зашел! Я все смогу, только без свидетелей. Ведь обещала Олави, что сделаю все как надо.

— Я все сделаю как надо, — жалобно обещаю мужчине, надеясь, что он меня не ударит. Я не героиня, не воительница, а сломленное маленькое животное, обезумевшее от страха. У меня одна цель — выжить.

— Кому надо? Что надо?

Он больше не смеется. Наклоняется вперед, нависая надо мной. Два блестящих ботинка рядом на полу, и я смотрю только на них, боюсь поднять взгляд на его лицо. Черноглазое чудовище — именно так я прозвала его при встрече. Про себя, конечно, не вслух. «Не отдавай меня чудовищу!» — молча умоляла Олави. Как почувствовала, что отдаст, видела ведь, как чудовище на меня смотрит. Исподлобья, тяжело, остро. Как будто снесет все на своем пути, схватит меня в охапку и сбежит. Большой взгляд, чтоб его! И шрам на челюсти, длинный, зигзагом, от которого кривится рот. Олави видел панику на моем лице, но все равно отдал меня чудовищу. Только что в оберточную бумагу не завернул да бантик не прицепил к причинному месту. И вот мы остались наедине. Я умираю от страха и неловко ползу вперед, стараясь выглядеть соблазнительной. А он смотрит на меня как на раздавленного муравья под ботинком.

— Вам, — отвечаю на удивление твердо. — Я сделаю все, что нужно ВАМ. — Икаю на последнем слове, и получается «ва-ам». Но он не смеется, даже не улыбается. Без предупреждения всаживает кулак в стену и снова замирает.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

Мне стыдно в этом признаться. До слез. Взрослая девушка — и такая дура. Меня тошнит, и я знаю, что это от стыда, а не от страха. Опускаю голову, заставляю себя втянуть воздух. Надо дышать, просто дышать.

— Откуда ты приехала?

— Издалека.

— Не ответишь?

— Нет.

— А если я заставлю?

— Тогда придется ответить. Но я уверена, что вы не заставите.

— Почему? — Он озадаченно хмурится. Полуголая измученная девица только что озадачила жестокое чудовище.

— Потому что вам на меня наплевать. Скажите, чего вы хотите, и я это сделаю.

Снова ползу, обреченно, медленно. Виляю бедрами, и юбка символической длины закатывается почти на талию. Чудовище морщится. Неужели брезгует? Нет, к сожалению, не брезгует. Вижу, как он смотрит на мои ноги, сжимает кулак и снова всаживает его в стену.

— У вас все в порядке? — доносится из-за двери.

Я вдыхаю так порывисто, что давлюсь слюной.

— Анджелина, что происходит? — На самом деле Олави интересуется не мной, а клиентом.

— Все в порядке, — жалко пишу я, глядя на чудовище, взглядом умоляя его не жаловаться. Я постараюсь, я все сделаю, чтобы остаться в живых.

— Как тебя зовут? — спрашивает чудовище, будто не заметив моего диалога с Олави.

— Вам же сказали, что Анджелина. — Морщусь, вспоминая, как Олави гордился, выбрав для меня звездное имя. Из меня Анджелина, как из... не тяну я на звезду. Только волосы длинные да губы пухлые, да и то потому, что по губам меня бьют. Часто.

— Как тебя зовут? — повторяет он.

— Анджелина.

Злится. Знает, что вру. Но для чего ему правда? Чтобы насладиться своей силой и размазать ее по моему размалеванному лицу?

— Я родился на побережье. А ты?

А я мертва.

Ползу, утыкаюсь лбом в его колено, поднимаю глаза и вижу, как топорщатся его брюки. Урод! Неужели можно хотеть меня такой? Размалеванная, одетая как проститутка. Омерзительно! И то, что сейчас произойдет, гадко и больно. Мужчина смотрит так пристально, что невозможно не отвести взгляд. Вытирает вспотевшие руки о брюки, расставляет ноги шире, и я послушно приближаюсь, глажу его бедра, напряженные, как будто он только что пробежал марафон.

Я знаю, чего он хочет, хотя и не понимаю, почему он выбрал именно меня. Что во мне такого? Размалеванная кукла, сломленная и жалкая. Другие намного аппетитнее, ко всему готовые. А я — так себе. Просто дура.

— Подними голову! — Его голос звучит так глухо, словно он проглотил язык.

Наклоняется, подхватывает меня и сажает к себе на колени. И смотрит. Бесконечно долго и пристально, причем в глаза, а не на мое выставленное напоказ тело.

Что с ним такое?

Он хмурится, сосредоточенно обводит пальцем мои губы.

— Ты меня боишься! — приподняв бровь, констатирует факт. Смотрит на задравшуюся юбку, и его кадык резко дергается.

Не стану разочаровывать, пусть думает, что я боюсь именно его. На самом деле все намного сложнее — я в ужасе от моей жизни. От себя самой. Но это временно. Мне бы только шанс, всего один, и я вернусь из мертвых. Отмоюсь. Ломая ногти, выползу из помойной ямы, в которую упала по своей же вине.

— Анджелина... — Он собирается о чем-то попросить, но спотыкается о звучное имя. Не мое, чужое, и он, безусловно, об этом знает. Его взгляд блуждает по моему лицу, теряется. Он хочет меня, только непонятно, почему злится. Его гнев горчит на языке.

Я знаю, что от меня требуется. Подаюсь ближе, к его губам, и тогда его гнев исчезает. Он целует меня, жадно, глубоко. От удивления я раскрываю рот, и его язык врывается, не дает вдохнуть. Пальцы впиваются в подбородок, его язык борется с моим. Глубоко. Это бунт, а не поцелуй. Мы встаем друг против друга, только непонятно, против чего бунтует чудовище. Ведь он сам потребовал меня у Олави, сам исходит подо мной черной похотью. На его языке — вкус помады с моих губ, дешевой, не знаю чьей, но уж точно не моей. На мне чужая одежда и косметика, только слезы мои. Чудовище хрипит мне в рот, хватая за бедра, потом резко скидывает меня с колен, так, что я заваливаюсь на бок у его ног.

Почему? Передумал или собирается на меня наброситься?

И тогда я не выдерживаю.

— Не надо! — умоляю, выпуская наружу слабость. Ее во мне целое море, долбаный океан удушливой паники. — Помогите мне! Меня похитили!

Умоляю чудовище о пощаде, о спасении. Больше просить некого. Есть только я, но я — дура. Наивная дура. Не хочу больше быть собой.

Наклонившись, он дергает меня за ногу. Сильно. Больно. Пытается поднять меня, но я пинаюсь.

Все это время я держала себя в руках, хотя и с трудом. Если не послушаюсь, то Олави убьет и меня, и моих родных, поэтому надо терпеть. Однако силы иссякли, и я схожу с ума от страшного черного взгляда. Меня прорвало, как плотину, и я ору так, что все тело вибрирует. Умоляю чудовище о помощи, обещаю невесть что. Сбивчивые клятвы повиновения, вечной благодарности и пожизненного долга.

Шанс, что кто-то меня спасет, близок к нулю, но я вкладываю все силы в жалобный порыв. Хватаю чудовище за плечи, требуя помощи. Он шипит, пытается меня заткнуть, но я дергаюсь изо всех сил — и вот на щеке горит отпечаток его ладони. Своего рода ответ на мою мольбу.

И тут мир взрывается.

Вокруг грохот, оглушающий, страшный. Кажется, что стены смыкаются, чтобы задавить меня, навсегда запереть вместе с чудовищем. Мир крутится, чернеет, и я проваливаюсь в никуда.

Глава 1

Игорь

Святые угодники!

Мой крик безмолвен, потому что я уже сорвала голос. Пытаюсь закашляться, но горло сухое, стенки гортани сомкнулись, не пропуская хрип. Ничего страшного, ничего необычного, со мной так часто бывает.

Свешиваюсь с полки и даплюсь, выталкивая себя из сна.

Разбуженная криками, проводница стучится в дверь купе. В вагоне люкс не приветствуются пассажиры, оружие во сне. Здесь едут солидные, значимые люди, замкнутые в своих мирах. Все, кроме меня. Я замкнута в кошмаре.

— Эй, вы в порядке? — спрашивает проводница из-за двери, и я чувствую в ее голосе неуверенные нотки. Неприятности ей не нужны.

Я молчу, потому что не могу ответить, и тогда она уходит. Зачем вообще спрашивать, в порядке ли я, если не собираешься дожидаться ответа? Но я не обижаюсь и не растрчиваю себя на пустые надежды. Хватаю бутылку с остатками воды, заливаю в рот и с трудом глотаю.

Сердце выстукивает бешеный ритм, но мне уже лучше, потому что я дышу. Когда меня забрасывает

в ночной кошмар, на мой личный остров паники, самое главное — дышать. Анджелины не существует, больше не существует. Я ее убила. Меня зовут Лара.

В коридоре звучит веселый голос проводницы, призывающий пассажиров притвориться, что все в порядке и мой крик им почудился.

— Следующая остановка — Ростов. Пятнадцать минут. К сожалению, поезд задерживается.

Несмотря на раннее утро, в ответ на это заявление хлопает сразу несколько дверей. Мы опаздываем, и проводница торопливо объясняет, что ночью одному из пассажиров стало плохо. Пока оказывали помощь и вызывали «Скорую», пока пропускали другие поезда, задержались. Слышу недовольное бормотание пассажиров, извинения проводницы. Надеюсь, больному не так плохо, как мне. Может, он случайно подсмотрел мои сны?

Усталый поезд рывками движется к остановке, жалуется мне сухим скрипом. Он знает, что я не спала всю ночь, слушала боль и хрустение его старых суставов. Только к утру отключилась, но кошмар вонзился в меня, как только я заснула. А теперь очнулась в расстроенных чувствах, виски давит требовательной болью, шея занемела. Выспалась, называется! В мыслях полный раздрай, но это не отражается на моем лице. Никогда. Снаружи я идеальна. Не скажу, что красавица, но суть не в этом. Контраст с тем, что внутри, поражает. Те, у кого в сердце мертвая пустыня, должны носить на лице глубокие шрамы. Так будет лучше, честнее. Чтобы отпугивать случайных знакомых, чтобы они не ловились на высокие

скулы и длинные ноги, чтобы знали, что за нежным румянцем прячется бессонная ночь в объятиях демонов прошлого.

Моя внешность лжет, как глянцевая обложка. Даже сейчас, ошпаренная кошмарными снами, я выгляжу вполне приемлемо. Как будто тело заморозилось в прошлом, там, где навсегда застряла и моя душа. Все дело в глазах, серых, огромных, с необычным рисунком радужки. Из-за них мальчишки дразнили меня инопланетянкой, а потом подросли и вдруг перестали. Вместо этого неловко приглашали в кино и ошивались рядом в надежде привлечь внимание.

Кроме глаз да длинных ног, люди не замечают ничего, как будто на портрет пролили белила. Закрою глаза — и даже знакомые меня не узнают.

Все, я успокоилась, дышу размеренно, ровно. Колеса поезда клацают, и мы останавливаемся. Каменная гармошка вокзала действует на меня успокаивающе, и я расслабляюсь, наблюдая за пассажирами, с усталой нервозностью охраняющими багаж.

Я решила назвать эту поездку смелым словом «отпуск». Порой не верится, что я решилась на такое, что сбежала, но вот она я, в поезде. Ворох надежд скручен в одну нить, которая тянет меня вперед, несмотря на жуткий страх. После восьми лет мучений я отправляюсь на поиски себя — веселой, полной надежд и радости, какой была раньше, до того, как моя жизнь необратимо слетела с рельсов. И по странной, непонятной причине этот поиск должен начаться в месте, с которым связаны

самые тяжелые воспоминания. Там, где я потеряла шанс на спасение из-за чудовища по имени Максим Островский. Это — попытка найти и отпустить прошлое и привести в порядок мою жизнь.

Психолог сказал, что внутри каждого живет ребенок и он нуждается в любви и внимании. Надо полюбить маленькую Лару внутри меня, успокоить ее и научить жить. Нащупать ее страхи, посмотреть им в лицо и помочь ей с ними справиться. Медленно, постепенно.

Нащупать страхи. Как можно нащупать океан, в котором тонешь уже восемь лет?

Маленькая Лара внутри меня не хочет ничего медленного. Она требует, чтобы сразу — и навсегда. Наивная, она хочет быть счастливой.

Я должна ей помочь.

Если я снова обрету себя, то пойму, как жить дальше. Обязательно пойму. Путь к свободе начинается с первого шага.

* * *

Мое прошлое началось в поезде. Я снова и снова проигрываю случившееся в памяти, мучаюсь, морщусь. В прошлое надо входить осторожно, как в кишашую аллигаторами воду. Лучше вообще не входить, но раз уж без этого не обойтись..

Мы снова остановились, не знаю где. Стайка женщин, пожилых и не очень, бросилась к поезду, держа в руках кули и свертки.

— Картошечка вареная, свежая, горяченькая!

- Огурцы малосольные, домашние!
- Молодая картошка с укропом!
- Семечки! Орешки! Домашнее печенье!

Вдруг до безумия хочется есть. Не ресторанной еды, а именно такой, домашней. Просыпаются детские воспоминания, рот наполняется слюной. Горячая картошка, завернутая в газету, мятый соленый огурец, стекающий по голым коленкам рассол. Щурясь, выхожу на перрон и сталкиваюсь с соседом. Забирая у женщины бумажный сверток с едой, он улыбается и отступает в сторону. Ждет. Смотрит на меня.

Выбираю картошку погорячее, такую, чтобы обжигала, рассыпаясь на языке, и три огромных соленых огурца со впалыми боками. Сосед пытается помочь, поддержать картошку, пока я расплачиваюсь, но я выставляю локоть в его сторону и отрицательно качаю головой. Не хочу помощи. Ничьей.

Забираю пакеты и захожу обратно в купе. Почти успеваю закрыть дверь, когда в щели появляется ботинок.

— Позвольте, я составлю вам компанию? Ехать еще долго, мы опаздываем на несколько часов.

Сосед улыбается, искренне, спокойно, почти без подлости. Другие женщины считают его симпатичным, но не я. Инстинкты требуют, чтобы я немедленно избавилась от его присутствия, и я им доверяю. Безоговорочно. Кладу свертки на полку, улыбаюсь и подаюсь к мужчине всем телом, будто собираюсь обнять. От удивления он отступает назад, и я тут же захлопываю дверь.

Все, с соседом покончено, можно ехать дальше. Если захочу, могу вообще не выходить из купе до самой Анапы.